

Секция «Политические науки»

Конкурентные инновации и динамические преимущества: очерки о государственной состоятельности

Телин Кирилл Олегович

Кандидат наук

МГУ имени М.В. Ломоносова, Факультет политологии, Ивантеевка, Россия

E-mail: apathy@bk.ru

Испытание практикой, особенно моментами, непосредственно связанными с разработкой и реализацией государственной политики в некоторой сфере, - критически важный момент и даже вызов для любой общественной науки. История философии, экономики, политологии и социологии неоднократно демонстрировала довольно занимательную неспособность модных и «современных» теорий и концепций отвечать на те вызовы, обозначением и отчасти конструированием которых они сами и занимались.

К примеру, в последней четверти двадцатого века благодаря деятельности американских и западноевропейских исследователей в научный аппарат политической науки прочно вошла категория «failed state», обозначающая государства, в некоторой степени дезавуировавшие собственные позиции в области политического суверенитета и экономической самостоятельности. Живущаяся на представлениях Г. Мюрдаля о «мягких государствах» (сам Мюрдаль употреблял этот термин в отношении африканских стран, вышедших из-под колониального гнета, но столкнувшихся с частичным параличом новообразованных суверенных структур), а также на публицистических разработках, экспансивно увеличивавших предметное поле «soft states», концепция «несостоявшихся» («несостоятельных») государств сегодня применяется не только к странам, недавно обретшим самостоятельность, но к образованиям, обладающим богатой историей и давними традициями государственности, - и столкнувшимися, несмотря на все это, с провалами в текущем или долгосрочном социально-экономическом курсе.

Именно преодоление угрозы «failed state» - и как реально наблюдаемого состояния, и как «рейтинговой» оценки со стороны международного сообщества, от которой, вероятно, зависит поток внешних инвестиций, - сегодня является важным фактором мобилизации государственного аппарата и его попыток инициировать процессы внутренней оптимизации. Ровно так же всех управленцев так или иначе интересует вопрос об основаниях и фундаментальных причинах «несостоятельности» и «состоятельности» - и, более того, рецепты, которые пытаются разработать зарубежные и отечественные специалисты, все чаще нацелены на более продолжительный временной горизонт, нежели рутинный электоральный цикл.

Так, в своей книге «Следующая конвергенция» американский экономист М. Спенс, отмечая, что рост «развивающихся» стран обеспечивают «инновации», т.е. факторы, увеличивающие производительный потенциал экономики и резко снижающие разрыв между полюсами мирового развития, невольно подводит итог другой концепции, на протяжении долгого времени оказывающей крайне серьезное влияние на представления о государственной влиятельности и силе. Его послышка полностью согласуется с концепцией т.н. «динамических преимуществ» - американские исследователи Д. Тис, Г. Пизано и Э. Шуэн называют так «способность достигать новых форм конкурентного превосходства в условиях динамично меняющейся внешней среды», благодаря ко-

торой глобальная конкурентоспособность государств переходит на качественно новый уровень, обеспечивающий эффективное обновление национального потенциала даже в условиях высокой международной нестабильности и волатильности.

Естественно, тяга к высокой степени прогнозируемости и программируемости национального хозяйства и политической системы представляет собой перманентное явление в повседневной деятельности управленческих структур – однако именно сегодня возврат к представлениям об «устойчивой конкурентоспособности» представляет собой крайне интересное и характерное явление. Во-первых, Всемирный экономический форум уже много лет составляет т.н. «рейтинг глобальной конкурентоспособности» - в то время, как само обсуждаемое пространство вряд ли представляет собой детально осмысленный и проанализированный объект. Сам ВЭФ, к примеру, определяет «конкурентоспособность» как «набор институтов, политик и факторов, определяющих уровень производительности в стране», однако при этом методология его исследований включает в себя исследование практик, ни в коей мере не сопряженных с техническими показателями производительности; терминологическая путаница присутствует и на более прозаичном уровне энциклопедий и толковых словарей. Кроме того, если в отношении предпринимательской деятельности можно вообразить себе «конкурентоспособность» и без четкого определения последней, то в отношении межгосударственных связей и международных отношений наднациональных структур крайне сложно применить ту же категорию без драматической редукции ее смысла. Что такое конкурентная борьба между государствами, чем она ограничивается – инвестиционной составляющей, схваткой за технологии или военным паритетом в лучших традициях реалистической парадигмы? Точного ответа так и не появилось, а опора на общие термины и понятия, включающие в себя не только перечисленные сферы, но и вообще практически все проявления государственного участия в общественной жизни, тем более не приведет к значимому научному результату.

Во-вторых, измерение государственной конкурентоспособности (пусть даже и в контексте неких «динамических» характеристик) сегодня все более увязывается с императивами некоего глубоко временного соответствия любой государственной системы запросам окружающей среды – в течение XX века ни одна страна не продемонстрировала фундаментальной устойчивости, не связанной с драматическими разломами в национальной истории, и сегодня процесс подобного «падения государств» встречается не менее редко, чем раньше. США столкнулись с Великой депрессией и «Ржавым поясом», Россия дважды теряла конкретный государственный проект в целом, Великобритания утратила имперский и прежний геополитический статус – ровно так же сегодня теряют потенциал в мировой системе такие «хедлайнеры», как Южная Корея, Япония и развитые европейские страны (от Италии до Финляндии). Сторонники концепции «динамических способностей», сталкивающиеся с крахом проектов, ранее считавшихся образцовыми, вынуждены переходить к наиболее общей риторике, например, выдвигая требования «стремления к инновациям» либо «качественного обновления элиты», что, вообще говоря, представляет собой довольно удачный пример, наверное, наиболее популярных советов консультантов - традиционно быстрых, точных и преимущественно бесполезных.

Без сомнений, последнее обстоятельство не отменяет необходимости как-либо определить государственную «состоятельность» либо «успешность» в позитивных терми-

нах – вне сомнений, именно это необходимо для прогресса как государственных структур, так и публичной политики, и существующий массив подходов к «эффективности» представляется минимум неполным в контексте специфики именно государственного управления. Однако ни «динамические характеристики», ни представляемые особым способом «инновации» не в состоянии выступить в качестве основания долговременного преуспевания государственного проекта, как это, вероятно, в состоянии сделать стабильная национальная идентичность, идеологически и культурно богатая внутренняя политика и институциональная сложность государственной системы – иными словами, тот самый фундамент государственной состоятельности, что был обеспечен еще Вестфальской системой международных отношений.

Литература

1. Спенс, Майкл. Следующая конвергенция. - М., Изд-во Института Гайдара, 2013.
2. Lieven A. Pakistan: A Hard Country. - NY, "Penguin 2012.
3. Myrdal G. Asian Drama: An Inquiry into the Poverty of Nations. - Corinthian Press, 1968.
4. Sur S. On "Failed States". - "Commentaire". - №112, 2005.
5. Teece D.J., Pisano D., Shuen A. Dynamic Capabilities and Strategic Management - Strategic Management Journal, Vol. 18, No. 7. (Aug., 1997).